

Мордовцев Даниил Лукич

По Италии

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Д18

Д18 **Даниил Лукич М.**
По Италии / Мордовцев Даниил Лукич – М.: Книга по Требованию, 2025. –
235 с.

ISBN 978-5-519-97394-6

ISBN 978-5-519-97394-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

добно говорить о важныхъ предметахъ. Римъ дѣйствуетъ на нервы, поддерживаетъ натянутое состояніе восторженности—можетъ, отъ того-то у него и было столько героевъ и столько фанатиковъ. Неаполь нельзя не любить, и еслибы вы только пробыли въ немъ одинъ день, всю жизнь стали бы вспоминать со вздохомъ объ этомъ днѣ. Мы пріѣхали сюда вечеромъ. Солнце садилось, пурпуровымъ свѣтомъ освѣщая море, синее, темно-синее, и гору, застроенную домами, на которой стоитъ камалдулинскій монастырь и крѣпость Сантъ-Эльмъ. По мѣрѣ того, какъ садилось солнце, дымъ надъ жерломъ Везувія краснѣлъ и струйка каленой и растопленной лавы медленно стекала по горѣ. Улицы кипѣли народомъ; пѣсни, органы, разные инструменты раздавались со свѣхъ сторонъ; маріонетки и пулчинелли—плясали, сыпали скороговорками; на балконахъ стояли дамы между цвѣтовъ, въ окнахъ стали показываться огоньки... Я ничего подобнаго и не подозрѣвалъ; просто упиваешься, забываешь все на свѣтѣ, тѣлесно наслаждаешься собой и природой. *Sta, viator!* лучшаго ты не увидишь: «посмотри на Неаполь, и потомъ помри»—какъ это глупо!—«Посмотри на Неаполь—и возненавидь смерть»!..

Кажется—чего же восторженнѣе!

Признаюсь, я ѣхалъ въ Италію съ чувствомъ нѣ котораго ~~с~~фектическаго предубѣжденія.—Могла-ли она, послѣ Египта и Палестины, потрясти мою душу тѣми глубокими, жгучими ощущеніями, подъ могучимъ обаяніемъ которыхъ я бродилъ, какъ очарованный, по берегамъ желтаго Нила и по сыпучимъ пескамъ Сахары въ виду вѣчныхъ пирамидъ, или же, какъ Марій на развалинахъ Карфагена, сидѣлъ на грудяхъ камней отъ стѣнъ и башенъ Іерихона, въ печальной долині Іордана, въ виду Мертваго моря и Моавитскихъ горъ?—Могла-ли, наконецъ, она, вся истоптанная, такъ-сказать, ногами милліоновъ постоянно снующаго по

ней празднаго люда, захватанная руками всевозможныхъ скучающихъ туристовъ, сотни разъ описанная и переписанная, срисованная и иллюстрированная,—могла ли она, даже послѣ Испаніи, откуда я ѣхалъ, заставить раскрыться мое сердце равносильно тому, какъ раскрывалось оно и билось при созерцаніи долины Гвадалквивира съ высотъ башни Джиральды въ Севильѣ или роскошной долины Гранады съ таинственно-поэтической Альамброю и снѣжно-лиловыми гребнями Сьерры-Невады?—А историческое прошлое Италіи? А величайшія сокровища, завѣщанныя ей древнимъ міромъ? А цѣлыя лабиринты галлерей, музеевъ, соборовъ, дворцовъ, пинакотекъ, глиптотекъ съ геніальнѣйшими произведеніями кисти и рѣзца геніальнѣйшихъ мастеровъ всѣхъ вѣковъ и народовъ! А нетлѣнные останки жизни древняго міра, великія реликвіи той жизни, которая земля сберегла для насъ отъ временъ, предшествовавшихъ нашей эрѣ? Какъ не взглянуть на остатки Рима и Помпеи временъ Граковъ, Сципіоновъ, Юлія Цезаря, Тацита!

Я предпринялъ путешествіе въ Италію по возвращеніи изъ Испаніи въ южную Францію, въ Ментонъ, гдѣ я передъ тѣмъ провелъ зиму для поправленія моего здоровья, потрясеннаго несчастнымъ восхожденіемъ на Араратъ въ августѣ 1882 года. Изъ Ментона я выѣхалъ въ Италію въ апрѣлѣ истекшаго 1883 года. И радостно, и горестно мнѣ было покидать этотъ городъ, гдѣ я прожилъ около полугода, поправляя зло, причиненное мнѣ Араратомъ. Радостно—потому что меня выпи-сывали, такъ сказать, изъ этого чахоточнаго каранти-на. изъ этого поэтическаго, прекраснаго города-госпиталя. гдѣ томились, часто безнадежно, тысячи больныхъ, большею частью чахоточныхъ, и гдѣ мое потрясенное здо-ровье возстановилось въ такой мѣрѣ, что пользовавшій меня въ Ментонѣ врачъ, д-ръ М. Ф. Кубе, изслѣдо-вавъ мою грудь въ послѣдній разъ, выстукавъ и вы-слушавъ меня, весело сказалъ: «ваши легкія поправились

такъ великолѣпно, что вы не только хотъ сейчасъ-же смѣло можете ѣхать въ Испанію и въ Италію, но и взобраться, если хотите, вторично на Араратъ»; горестно—потому, что хотя пребываніе мое въ этомъ «прекрасномъ-далекѣ» было и невольное, но, въ теченіе полугода тихой, свѣтлой жизни выздоравливающаго, я привыкъ къ этому чудному мѣсту, къ этому бирюзовому морю, къ этимъ горамъ, полукругомъ обступившимъ волшебный, цѣлительный уголокъ рая и защищавшимъ наши больныя легкія отъ суроваго дыханія сѣвера,—и мнѣ грустно было разстаться съ нимъ при мысли, что уже никогда не суждено мнѣ видѣть этотъ дивный уголокъ, давшій мнѣ здоровье, успокоеніе, увѣренность въ возвратѣ моихъ силъ, которыя я было считалъ навѣки утраченными, какъ то и я и видѣлъ на каждомъ шагѣ среди моихъ же тамошнихъ знакомыхъ. Грустно мнѣ было и съ ними разставаться, такъ-какъ совместная полугодичная жизнь всѣхъ насъ сблизила, сроднила общностью интересовъ на чужой сторонѣ, какъ стаю птицъ, отбившихся отъ родного гнѣзда, и притомъ однимъ изъ насъ можно было возвратиться на родину, другимъ же предстояло еще новое безконечное мыканье на чужбинѣ въ поискахъ, часто напрасныхъ, за утраченнымъ здоровьемъ; вспоминалось при этомъ и то, что «иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ—далече»: одни лежатъ на ментонскомъ кладбищѣ въ тѣни миртъ и кипарисовъ, въ вѣчномъ созерцаніи этого бирюзоваго моря; тѣла же другихъ отправлены на далекую родину; тамъ я покидалъ моихъ добрыхъ знакомыхъ, для которыхъ возвратъ на давно покинутую отчизну—вопросъ очень далекаго будущаго; тамъ же оставлялъ я еще не остывшій трупъ молодой русской дѣвушки, моей сосѣдки по номеру, которая плакалась, когда я уѣзжалъ въ Италію, что вмѣсто меня рядомъ съ нею можетъ поселиться какой-нибудь шумный, безпокойный сосѣдъ и лишить ее того покоя, какой она испытывала при мнѣ, и которая—увы—умерла какъ разъ

въ ночь моего возвращенія изъ Испаніи... Теперь ужь никакой шумъ не потревожитъ ее вплоть до той страшной трубы, которая когда-то прогремитъ надъ всѣми нами... Да и прогремитъ-ли, полно?

Когда поѣздъ двинулся, я съ грустью взглянулъ и въ душѣ поклонился прощальнымъ поклономъ знакомымъ мѣстамъ, въ которыхъ я какъ-бы оставлялъ часть моего сердца, мою взволнованную мысль и немало горькихъ и свѣтлыхъ воспоминаній. Море и зелень сверкали на солнцѣ. Вонъ тамъ нашъ отель и моя покинутая комнатка. Вонъ по тому берегу бѣгали американскія дѣти, которыя въ невинности своей принимали меня за Saint Nicolas—за Николу-чудотворца. А тамъ villa Laurenti—тоже опустѣлая.

Поѣздъ юркнулъ въ глубь горы, на которой живописнымъ амфитеатромъ раскинулось ментонское кладбище... Я думалъ лежать на немъ, а вотъ нѣтъ—убѣгаю. Но тамъ лежатъ Горичъ, Тарасевичъ, которыхъ мы хоронили. Мы ѣдемъ какъ разъ подъ кладбищемъ.

Но скоро поѣздъ вынырнулъ изъ мрачнаго тунеля. Сверкнуло бирюзовое море. Вправо опять Ментонъ съ его пышною зеленью: это Garavan. Я высовываюсь въ окно вагона. Вонъ villa Saint Jacques, гдѣ я вчера провелъ прощальный вечеръ въ миломъ, сердечномъ обществѣ семейства Стаховичей, Лосевыхъ, Жемчужникова (В. М.). Для нихъ еще немислимъ возвратъ въ Россію, хотя они уже много лѣтъ томятся въ этомъ «прекрасномъ» изгнаніи—«далекѣ». Сердце мое сжалось тоской. Съ виллы махало мнѣ множество платковъ—ярко бьются въ воздухѣ, словно крылья бѣлыхъ птицъ, привѣтливые флаги милыхъ людей. Я тоже машу платкомъ.

— Это вамъ машутъ? спрашиваютъ меня двѣ русскія дамы изъ Петербурга, г-жа Леви и г-жа Розингъ, тоже жившія зимой въ Ментонѣ и теперь ѣхавшія въ Венецію.

— Да, мнѣ, отвѣчаю.

— Да это цѣлая овація! удивляются.

— Вонъ сколько платковъ бѣлѣтъ!

— Да—это милые люди, мои знакомые: всѣ машутъ—и дамы, и дѣти, и мамушки, и нянюшки... Имъ, бѣднымъ, еще не позволяютъ возвратиться въ Россію—вотъ они такъ горячо и провожаютъ меня, счастливца.

Черезъ нѣсколько минутъ ужъ и граница Италіи. Эту грань между Франціей и Италіей составляетъ мостъ, перекинутый черезъ глубокую пропасть, отороченную грозными скалами. На мосту этомъ стоятъ французскіе часовые—таможенная стража, которая досматриваетъ ѣдущихъ изъ Италіи шоссею дорогою. Живя въ Ментонѣ, мы, бывало, часто совершали пѣшеходныя прогулки за этотъ мостъ—«въ Италію».—«Сегодня хорошій день:—не отправиться ли намъ въ Италію?»—«А что тамъ дѣлать?»—«Какъ что!—покупать дешевыя спички, пить хорошее «асти», погулять въ саду Беннета и Муртола».—Дѣйствительно, русскіе ментонцы часто приходили въ Италію за дешевыми контрабандными спичками, гдѣ въ ближайшемъ кафе находили и спички, и итальянское вино. Тамъ же, за пограничнымъ мостомъ, находятся прекрасные сады: одинъ—знаменитаго доктора Беннета, другой—Муртола. Въ саду Беннета есть башня, въ которой онъ живетъ самъ, а съ вершины башни, въ хорошіе дни, можно видѣть Корсику.

Еще нѣсколько минутъ—и мы въ Вентимильѣ (Ventimiglia)—первый итальянскій городъ, гдѣ происходитъ досмотръ багажа и ручныхъ пожиткомъ. На станціяхъ французскія надписи, французскіе жандармы и французскій языкъ смѣняются итальянскими, равно какъ и лиры итальянскія начинаютъ вытѣснять французскіе франки.

Дорога идетъ дивнымъ, живописнѣйшимъ въ мірѣ побережьемъ—„route de la Corniche“. Этимъ чуднымъ путемъ ходили когда-то римляне въ Испанію и обратно; тутъ хотѣли было пробиться и карфагенскія войска, которыя Аннибалъ велъ на Римъ; этимъ же путемъ шелъ

и Наполеонъ I громить Италію, когда былъ еще первымъ консуломъ.

Дѣйствительно, «дорога Корниша» и мѣстность, по которой она проходитъ, считается красивѣйшею въ мірѣ. Дорога проложена какъ-бы по живописному карнизу Приморскихъ Альпъ, въ причудливыя извилины которыхъ, въ дикія и цвѣтушія скалы, въ глубокіе заливы и заливы, словно въ гигантскую рамку, вставлена чудная, геніальная картина бирюзоваго моря. Картина—безспорно дивная, но далеко не единственная въ мірѣ. Кто много скитался по свѣту, по сушѣ и по морямъ, тотъ знаетъ, что есть очаровательныя, поразительныя мѣстности и въ Италиі, и въ Испаніи, и въ Турціи, и въ Малой Азіи, и въ греческомъ Архипелагѣ, въ Египтѣ и въ Палестинѣ; есть чудныя мѣстности и въ Россіи—въ Крыму, на Кавказѣ, въ Закавказьѣ, по Днѣпру, по Дону, по Волгѣ, какъ по средней Волгѣ, такъ и въ верховьяхъ ея—отъ Нижняго вплоть до Углича и до Твери. Въ каждой изъ этихъ мѣстностей есть что-то свое, чего нѣтъ въ другихъ, и если я скажу, что горы нашего Кавказа и горы Бискайи, въ Испаніи, и горы Каталоніи около Барселонны своею картинностью, своею поразительною величавостью взаимно другъ друга побѣждаютъ, то я не буду неправъ. Корнишъ принадлежитъ къ такимъ же первенствующимъ мѣстностямъ, которыхъ въ мірѣ немало.

Поѣздъ «express» мчится необыкновенно быстро по этому приморскому карнизу, и тѣмъ быстрѣе, кажется, одна живописная картина смѣняетъ другую, еще болѣе живописную, а та смѣняется третьей, четвертой. Не успѣютъ глазъ и мысль разобратъся въ одной панорамѣ, уловить всѣ ея красоты, изломы линій, освѣщеніе горъ, скалъ, моря, съ пѣной бьющагося у береговъ, не успѣете вы вдуматься въ то, что видите, отвести ему мѣсто въ вашемъ воображеніи, какъ уже раздается свистокъ, и дивная панорама, словно по волшебному мановенію, исчезаетъ изъ глазъ, и мѣсто ея занимаетъ

мракъ. Вамъ кажется, что это самъ великій художникъ-творецъ, который создалъ и скалы и море, и зелень, и воздухъ, и солнце, и васъ самихъ, созерцающихъ это дивное твореніе,—что это самъ, величайшій Творецъ-маэстро, создавшій и вложившій частичку своего творческаго генія въ Мурильо, въ Рафаэля, въ Рюисдаля, въ Верещагина, въ Куинджи, въ Байрона, въ Тургенева, въ Толстаго,—онъ самъ показываетъ вамъ *живыя картины его* кисти, *его* рѣзца. Эта волшебная иллюзія происходитъ оттого, что едва вашъ изумленный и очарованный взоръ успѣетъ остановиться на чудной панорамѣ горъ, зелени, бирюзоваго моря, съ пѣной ропшущаго у прелестныхъ береговъ, какъ поѣздъ влетаетъ въ тунель, въ абсолютный почти мракъ, и едва вы успѣваете освоиться съ этимъ мракомъ, едва начинаете видѣть въ окно вагона мрачныя очертанія сырыхъ слезящихся стѣнъ, вдоль которыхъ поѣздъ мчится по подземелью,—какъ поѣздъ снова вылетаетъ на яркій свѣтъ, подъ синее небо, подъ жаркое солнце,—и вы невольно ахаете отъ изумленія: этотъ свѣтъ жаркаго солнца льется на новую дивную панораму, на новую живую картину,—а за нею третья, четвертая, пятая—и такъ безъ конца. По всему этому пути, отъ Марсея, до Генуи и далѣе, въ вагонахъ весь день горятъ фонари, потому что тутъ насчитываются цѣлыя сотни тунелей, иногда болѣе версты и двухъ длиною.

— Какъ эта станція называется? спрашиваетъ г-жа Леви у своей сестры, очищая апельсинъ.

— Не разберу... Ахъ да!—это станція Уссита или Усчита.

Я смотрю въ свой Guide-Diamant par A.-I. du Pays. и не нахожу въ немъ такой станціи.

— Этой станціи здѣсь нѣтъ, возражаю я.

— Смотрите, вонъ написано, храбро утверждаетъ г-жа Розингъ, очень милая барынька.

— Вижу, сударыня.—только это не названіе стан-

ціи... Эта станція називається Оспедалетти, смотрите надпись на фронтонѣ.

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ! вотъ смѣшно!

— Да, точно: станцій Усчита—*uscita*—мы найдемъ въ Италіи сотни.

— Правда, правда!—ахъ, какъ смѣшно!

И мы, дѣйствительно, порядочно-таки посмѣялись надъ станціей «Усчитой».—Въ Италіи, какъ и во всѣхъ государствахъ, разныя надписи на станціяхъ дѣлаются на господствующемъ языкѣ: въ Россіи напимѣрь «входъ», «выходъ», «прибытіе», «начальникъ станціи»; во Франціи—*sortie*, *chef de la gare* и т. д.; въ Испаніи—*Plegada*—прибытіе, *salida*—отправление, *jefe или gefe de stacione*; въ Италіи—*atrio, capo stazione*—начальникъ станціи, *uscita*: — *uscita* и есть «выходъ», *sortie*. Только въ Египтѣ надписи на станціяхъ дѣлаются на двухъ языкахъ — на итальянскомъ и арабскомъ, а въ разношерстной Австріи — на нѣмецкомъ и на одномъ изъ славянскихъ: «hier» и «zde», «für Herren» и «dla panów», «für Damen» и «dla pan» и т. д.

— А вотъ еще станціи Усчита—посмотрите.

— Смѣйтесь, смѣйтесь!—Это Санъ-Ремо.

— Да, здѣсь недавно умеръ Никольскій—бѣдный!

— Который Никольскій?

— Бывшій инспекторъ лицея въ Петербургѣ: насъ съ нимъ почти въ одинъ день вывели сюда на зиму лѣчиться—я вотъ выздоровѣлъ, а бѣдный Никольскій не отбился отъ смерти.

Санъ-Ремо пользуется почти такою-же климатическою лѣчебною славою, какъ Ментонъ, Ницца, Каннъ, Гіеръ и Пиза, знаменитѣйшія въ мірѣ зимнія станціи (*stations d'hiver*). Основаніе Санъ-Ремо относятъ за 2000 лѣтъ, къ первымъ историческимъ временамъ Лигуріи. Вообще весь этотъ берегъ былъ свидѣтелемъ величайшихъ историческихъ событій. Санъ-Ремо, какъ и Бордигера, его

сосѣдка, славятся своими пальмами, хотя они въ сравненіи съ африканскими — довольно жалки. Но болѣе всего этотъ городъ гордится своимъ мягкимъ климатомъ, своимъ вѣчно-синимъ небомъ и своими апельсинами, лимонами и гранатами. Слава здѣшнихъ лимоновъ такъ велика, что нѣмецкіе евреи нарочно присылаютъ сюда за ними къ празднику «скиніи завѣта». Замѣчательно, что вѣчно цвѣтушіе, зимою и лѣтомъ, апельсины и лимоны наполняютъ окрестный воздухъ такимъ ароматомъ, что опытные моряки за много верстъ въ морѣ, когда еще не видно Санъ-Ремо, по одному запаху, который стоитъ надъ этимъ городомъ и разносится въ воздухѣ на далекое пространство, узнаютъ, что Санъ-Ремо, должно быть, близко, какъ у насъ по аромату, только другого свойства, догадываются о близости Сѣнной площади.—Говорятъ, что Аріосто разумѣлъ именно Санъ-Ремо и весь этотъ дивный берегъ въ своемъ знаменитомъ четверостишіи:

Indi i monti ligustici i riviera,
Che con aranci e sempre verdi mirti,
Quasi avendo perpetua primavera,
Sparge per l'aria i benc olenti spirti.

Старая часть Санъ-Ремо лѣпится до самой вершины горы и образуетъ собою исполинскую пирамиду изъ домовъ, стоящихъ рядами одинъ надъ другимъ, подобно каменнымъ рядамъ, изъ которыхъ сложена знаменитая пирамида Хеопса въ Египтѣ. Узкія, тѣсныя улочки этой пирамиды изъ домовъ почти никогда не видятъ ни неба, ни солнца, такъ что Диккенсъ, говоря въ своихъ «Путевыхъ замѣткахъ» о Санъ-Ремо, съ удивленіемъ замѣчаетъ, что можно пройти по этимъ дефилямъ весь старый городъ и не видѣть—какого тамъ цвѣта небо. Впрочемъ, что-жь тутъ удивительнаго!—на югѣ, гдѣ солнце палить невыносимо, подобныя пчели вмѣсто улицъ—явленіе обыкновенное: я это видѣлъ и въ Смирнѣ, и въ Каирѣ, и въ Яфѣ, и въ Іерусалимѣ.

За Санъ-Ремо мы проѣхали другую знаменитость, но только иного рода: это мѣстечко Taggia. Здѣсь, послѣ пораженія при Павіа, плѣнный Францискъ I былъ посаженъ на корабль, долженствовавшій перевезти его въ Испанію.

Между тѣмъ, прелестныя картины продолжаютъ смѣняться одна другою. Море все время не сходитъ съ фона этихъ картинъ, показывая иногда то бѣлый парусъ, словно крыло гигантской чайки, взмахнутое надъ бирюзовой равниной, то на далекомъ горизонтѣ дымокъ парохода, направляющагося либо къ берегамъ Испаніи или Африки, либо въ Геную и Неаполь. Поѣздъ постоянно влетаетъ въ тунели, и при выходѣ изъ нихъ снова развертываются картина за картиной. Въ одномъ мѣстѣ, помнится, около Савоны, поѣздъ идетъ по высокому, чрезвычайно длинному виадуку, внизу котораго разстилается песчаный берегъ. Песокъ до того зыбучій, что бѣгающіе по немъ мальчишки загружаютъ почти выше щиколотокъ. Мальчишки эти устраиваютъ намъ преоригинальный спектакль: они бѣгаютъ за поѣздомъ съ криками, означающими, что они просятъ, чтобъ мы бросали имъ въ песокъ байоки или чентезими. Едва они увидятъ, что изъ окна вагона вылетаетъ какая-нибудь мелкая монетка и падаетъ въ песокъ, какъ юные бандиты стремительно бросаются къ этому мѣсту, сбивая съ ногъ одинъ другого, запускаютъ руки въ песокъ съ такою быстротой, что онъ брызжетъ во всѣ стороны, какъ вода, и въ тотъ же моментъ рука какого-нибудь счастливица съ торжествомъ поднимается вверхъ: — монетка поймана. Это напоминаетъ мнѣ нашихъ севастопольскихъ, а равно и итальянскихъ ребятишекъ, которые моментально ловятъ подъ водой брошенную въ море монету.

Но самая волшебная картина во всей этой безконечной береговой галлерей морскихъ видовъ, самая роскошная картина во всей этой, такъ сказать, передвижной выставкѣ природы—это далекая панорама Генуи. Пере-